

Владимир Козловский

Приключение длиною в жизнь

Увлекательный исторический мемуар

Владимир Козловский

Приключение длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48637701

SelfPub; 2019

Аннотация

Забудьте про скучные мемуары! Владимир Козловский, сын русских эмигрантов, приглашает в удивительное путешествие по XX веку, эпохе наших дедушек и бабушек. Долгий путь через время и континенты – от русской общины в Египте 1920-х в самобытную Турцию 1930-х, и снова в Египет, уже в годы Второй Мировой. А затем – в Швейцарию, где Козловский обрел подлинный дом. Встречи с уникальными людьми, среди которых и члены семьи Романовых, и советский министр Громыко. И пусть автор родился вдали от России, и говорит на пяти языках, он считает себя русским. Откройте его книгу, разделите вкус к приключениям!

Содержание

От автора	4
Предисловие	5
Часть 1. Русское начало	7
Дерево держится корнями...	7
Папа. Из огня да в полымя	14
Знакомства и Знакомство	24
Часть 2. Детство	42
К берегам Босфора	42
От первых шагов к первым урокам	48
Прощание под огнем	64
Война. Каир	67
Быт на фоне войны	76
В городе Александра Великого	81
Русский круг	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

От автора

Для кого и зачем я решил написать эту книгу?

В первую очередь, для своих детей, которые, к сожалению, не говорят и не читают по-русски. Мне очень хочется передать им хотя бы частицу того богатого культурного наследия, которое досталось мне от родителей. В жизни каждого человека рано или поздно наступает момент, когда появляется интерес к своим корням, к истории своей семьи. Как правило, это случается тогда, когда начинают задавать вопросы собственные дети. Надеюсь, что именно тогда эта книга будет полезной.

Вторым моим мысленным адресатом были мои знакомые и, возможно, даже незнакомые товарищи по жизни в Египте и Турции. Я провел в этих странах самые светлые годы жизни, встретил огромное количество выдающихся, замечательных людей. Воспоминаниями о тех временах я с удовольствием передаю своеобразный привет тем, кто еще жив, их потомкам и всем, интересующимся судьбой детей русской эмиграции первой волны.

Предисловие

Дорогой читатель, кем бы ты ни был, я рад, что мы с тобой встретились.

Конечно, мне было бы лестно, если бы ты оказался моим правнуком, внезапно задавшимся вопросом, откуда у его предков русские имена. Возможно, ты нечаянно наткнулся на чердаке на сундук со старинной серебряной посудой и этой книгой. Или просто однажды попала в руки старинная фотография и ты спросил у родных:

– Кто это?

– Да, был у нас странноватый предок, русский, Vladimir.

– Русский???

– Да-да, не удивляйся, думаешь, в кого у твоей бабушки такой характер? Где-то, кстати, дома были его мемуары, слава Богу, он написал их и на французском языке тоже, можно прочитать.

На самом деле я не уверен, что по-прежнему будут существовать чердаки, сундуки, фотографии, и уж тем более не могу загадывать, на каком языке станут говорить мои потомки, где они будут жить и как. В мире так много всего поменялось за один только XX век, что мне иногда кажется, что все это было каким-то увлекательным кинофильмом. А моя собственная жизнь, бурная, полная событиями и людьми, – это один большой приключенческий роман.

Так или иначе, всё, описанное в этой книге, имело место и происходило на самом деле. Жизнь всегда богаче любого вымысла, и моя судьба тому прекрасное подтверждение.

Здесь мне положено, наконец, представиться. Но с этим есть некоторые затруднения. Дело в том, что я и сам толком не знаю, кто я: все окружающие знают меня в разных ипостасях.

Я русский по происхождению, рожденный от русских родителей, появился на свет я в Турции, покинул ее в 9 лет, а затем жил до совершеннолетия в Египте, где прошли мои юношеские годы, там я получил свой первый паспорт.

Затем я уехал учиться в Женевский университет, и в итоге три четверти жизни провел в Швейцарии. Сюда же перебрались на склоне лет и мои родители. Почти все это время я был египтянином по гражданству, а затем лицом без гражданства. С недавних пор уже и паспорт мой стал швейцарским, но сам себя я по-прежнему считаю русским. Швейцарец из меня, прямо скажем, неважный, но и россиянином мне уже точно не быть.

Так что тебе, дорогой читатель, судить о том, чьи мемуары попали в твои руки. Я же лишь откровенно поведаю о своем жизненном пути, стараясь никого и ничего не забыть.

За сим остаюсь ваш покорный слуга,

Владимир Козловский

Женева, 2017 г.

Часть 1. Русское начало

Дерево держится корнями...

А человек, как известно, семьей. В моем случае семья – это единственное, что в моей жизни всегда давало мне понять, что я русский. Семья подарила мне язык, родную культуру. Попади я в детстве в *orphelinat*¹ – не имел бы понятия о своей национальности или, как теперь говорят, этнической принадлежности. Поэтому с семьи и начну.

Своих предков я знаю не очень глубоко, так что вывести мой род от Рюриков не получится. К тому же, семейные предания дошли до меня большей частью со стороны маминой родни. А о предках по папиной линии знаю, к сожалению, гораздо меньше. Начну с казацкого атамана. Маме в свою очередь рассказала о нем бабушка. Жил он на Кубани в середине XVIII века, а фамилия его, если верить моей детской памяти, была Дубенко. Больше никаких рассказов ни мамы, ни бабушки либо не было, либо я их не помню.

Так что географически, по маминой линии мы вышли из южных краёв России. Моя бабушка, Альбина Валериановна,

¹ Детский приют (франц.)

была полька, из petite noblesse², по фамилии Звижинек. Ее отец Валериан имел небольшое поместье и владел крепостными. В бабушкины времена Польша входила в состав Российской Империи. Интересно, что у нее в паспорте было записано три имени, так тогда было принято: Альбина, Амалия, Пелагия. Прижилось только первое, Альбина, под ним все её и знали. Отсюда, от бабушки, во мне четверть польской крови.

Бабушка была женщиной очень сильного характера и до конца своих дней оставалась католичкой, хотя всю жизнь прожила в браке с православным дедом. К счастью, она была рядом со мной долго: почти до моего совершеннолетия. Она всегда давала мне отличные советы.

Её мужа, Максима Яковлевича Седенко, можно считать основателем нашей семейной бизнес-династии. У деда было свое дело: он успешно торговал строительными материалами в Бердянске и Туапсе. Семейством они были не то чтобы очень богатым, но точно не бедным и довольно большим.

Мама, Лидия Максимовна Седенко, родилась в Бердянске в 1904 году и была младшим, шестнадцатым ребенком в семье. Четырнадцать мальчиков и две девочки! Сейчас такое даже представить трудно, разве что в религиозных семьях. Бабушке было уже лет 46, когда она родила маму. И, представьте себе, практически все дети дожили до взрослого возраста, лишь один сын Николай в восьмилетнем возрасте уто-

² Мелкопоместное обедневшее дворянство (франц.)

нул в море.

Все мои представления о родне связаны именно с кланом Седенко. Во-первых, этой родни всегда было много рядом, в отличие от папиной. И во-вторых, именно Седенко заложили основу нашего фамильного процветания, в том числе и моего, о чем я расскажу позже. Однако судьба маминых братьев и сестер сложилась по-разному.

Дядя Стефан, любимый мамин брат, погиб рано, в 1920 году. Он плыл на пассажирском судне из Новороссийска в Одессу. И вот на корабле его кто-то обокрал и с борта столкнул в воду – так об этом потом рассказали семье.

Магазин строительных товаров М. Я. Седенко, 24 ноября 1911 г., Туансе

Братья Александр и Аркадий остались в России, точнее, уже в Советском Союзе. С ними наша связь прервалась.

Еще один мамин брат, Павлик, с женой Таисией и дочерью Людмилой был угнан немцами из Харькова в 1943 году, они остались в Германии, а после войны мы помогли им перебраться в Венесуэлу.

Единственная сестра мамы Эля была старше ее на 22 года. Её дочка Женя была с моей мамой, своей тётёй, одного возраста. Она и ее муж по фамилии Джурашевич, капитан дальнего плавания, жили в Одессе и тоже были депортированы в Германию. Я дружил с Элиной внучкой Дагмарой и правнуком Аликом Куликом.

Пожалуй, самую важную роль в жизни всей маминой семьи и моих родителей сыграл мой дядя Константин Максимович Седенко, 1886 года рождения.

Он был очень успешным коммерсантом, занимался оптовой торговлей табаком. Когда вспыхнула революция, дядя находился по коммерческим делам за границей и решил не возвращаться в Россию. Он говорил, что сразу понял – добром все это не закончится.

В это непростое время с ним произошел один случай, когда совершенно явным образом в дядину судьбу вмешалась Фортуна, с тех пор его полюбившая на всю жизнь. Говоря проще, дяде невероятно повезло. В какой-то момент на Кавказе была закуплена партия табака, дядя не успел ее опла-

тить, как случились революционные события. И в огне, так сказать, революции контрагент пропал, платить стало некому. А табак пошел на реализацию, конечно, с хорошей прибылью, что дало дяде Косте первоначальный капитал для продолжения дела за границей.

В конечном счете дядя обосновался в Египте – стране, где не было своего табака, он весь импортировался. И Константин Максимович, благодаря своим коммерческим связям, стал его поставлять – из Турции, Болгарии, Греции. Дела у него пошли очень хорошо. Но в революционной России уже несколько лет как оставались мать с отцом и родня, надо было что-то предпринимать для их вызволения оттуда. И дядя совершил очень важный для нашей семьи поступок: он выкупил и вывез родственников за границу. *Tout a fait*³, именно выкупил, за валюту, которая была очень нужна молодому Советскому государству. Уплатил, если не изменяет память, около 25 тысяч английских фунтов. Это была по тем временам очень большая сумма. Так мой дед Максим Яковлевич Седенко, бабушка Альбина Валериановна с дочкой Лидией (моей будущей мамой) и сыном маминого брата Аркадия Всеволодом оказались в Египте в 1924 г. Они долго плыли кораблем из Одессы, ведь тогда самолетами не летали.

Они разделили судьбу почти трех миллионов эмигрантов из России, осевших в самых разных уголках света.

³ Именно так (франц.)

Константин Седенко, Александрия, 1921 г.

Папа. Из огня да в полымя

Мой папа Константин Козловский родился в 1899 году в селе Завалье Каменец-Подольского уезда Подольской губернии, в те времена – в составе Российской империи. Большая её часть приходилась на нынешние Винницкую и Хмельницкую области Украины.

Их род обеднел еще до революции. Дед был лесопромышленником, но, когда папе исполнилось пять лет, дед погиб. Там случилась какая-то трагическая история: кажется, он выпал из экипажа и разбился. Так что папа рано остался без отца. Было непросто, его мама давала уроки игры на фортепиано (она была хорошим музыкантом). Папа хорошо учился и в 16 – летнем возрасте поступил в Киевский Императорский университет святого Владимира.

Когда произошла революция, он учился на втором курсе. В университете начались волнения, назревал бунт. Папе предложили примкнуть к красным. Но он, изучив «Манифест» Маркса и Энгельса, пришел к выводу, что это эта теория неверна и нежизнеспособна. В Киеве в то время уже действовали разные группы белых, шла запись в добровольцы, и папа в 1918-ом году записался в Белое движение. А вот его младший брат Иван в это же время примкнул к красным.

Лидия и Максим Седенко с капитаном судна Одесса – Афины, 1924 г.

Папа попал в кавалерию, и любовь к лошадям и верховой езде сохранил на всю жизнь. Служил он в армии генерала Деникина. Знаменитого Деникина, чей прах ныне перезахоронен со всеми соответствующими герою России почестями в Донском монастыре Москвы.

И это правильно, ведь они, белые офицеры, тоже защищали свою родину. Гражданская война – тяжелейшее испытание для всех. Я всю жизнь ощущаю боль в сердце, когда смотрю фильмы или читаю книги о том времени. Нет ничего страшнее гражданской войны, когда с оружием в буквальном смысле идут друг на друга соседи, друзья и братья. Так и мой папа со своим братом оказались по разные стороны баррикад: один – у красных, другой – у белых. Но, слава Богу, на поле битвы им встретиться не довелось!

* * *

Отец служил где-то под Орлом. Там шли жестокие бои с красными, и папино подразделение (это был даже не полк, что-то поменьше) попало в ловушку. Они должны были освободить поселок, но их предали, и в поселке уже ждали красные с пулеметом. И вот картина: двадцать кавалеристов направляются к деревне, и их косят пулеметные оче-

реди. Первые тринадцать человек погибли сразу, остальные успели повернуть обратно...

Из этой чертовой дюжины уцелел только папа: он смог, будучи раненым, уползти по траве, и когда красные пришли проверить убитых, они насчитали только двенадцать тел. Папа получил в подарок от красных три пули.

Он полз, а затем, опираясь на шашку, добрался до ближайшей избы, постучал, и хозяин открыл ему дверь. «Или ты меня спрячешь, или я тебя сейчас убью», – сказал папа крестьянину. Когда он рассказывал мне это в детстве, было видно, как непросто ему это далось, насколько тяжело было через всё это пройти. Или ты убьешь, или тебя убьют – это самый страшный выбор на земле.

Папу спрятали на чердаке в сене, и там он самостоятельно пытался оказать себе медицинскую помощь, пользуясь своей аптечкой. Хотя что там могло быть, сами понимаете, бинт, йод... Красные, между тем, его искали: они не досчитались одного убитого врага и понимали, что он где-то рядом. Пленных тогда никто не брал, ни красные, ни белые. Папа это знал, поэтому и объяснил крестьянину: я буду отстреливаться и убью, сколько смогу, но оставлю в пистолете две пули. Если ты меня выдашь, одна пуля будет твоя, а другая – моя.

На следующий день пришли белые и освободили поселок. Крестьянин передал папу, потерявшего очень много крови, своим. Спасибо ему за папину сохраненную жизнь. И это был не единственный человек в папиной судьбе, который его

спас.

Папа отступал вместе с белыми в санитарном вагоне, долго ехал до Ростова, затем лечился в Ростове месяц или полтора. Тогда ведь медицина была «медленной», лекарства и средства совсем другие, раны заживали долго, даже антибиотики открыли позже. Так что и хирургия от современной сильно отличалась, что и говорить, начало XX века! Чуть что – просто отрезали ногу, и всё, живи, как можешь. Но папа сказал, что предпочтет умереть, чем жить калекой с одной ногой. Тогда инвалид воспринимался совершенно по-другому, и это была страшная участь для любого офицера. Кроме того, папе было всего 20 лет и он не мог представить себя инвалидом.

Но ему повезло: ногу не отняли. Хотя он оставался по-прежнему в больнице, а фронтовая ситуация ухудшалась. И здесь, в госпитале, на его пути возник еще один человек, спасший ему жизнь: молоденькая медсестра, которая влюбилась в папу (он ведь был интересный мужчина).

Вечером после ужина эта медсестра подошла к папе и сказала: завтра утром в город войдут красные, я собираюсь уезжать, у нас с родными приготовлена телега, беги с нами. Надеяться было не на что, папа согласился, и они бежали на этой телеге как можно дальше. В девять вечера они уехали, а на рассвете пришли красные и всю больницу вырезали, со всеми ранеными. Папа снова ушел от смерти, благодаря этой девушке. Ангел-хранитель его не оставил.

Они добрались на этой повозке до самого Новороссийска, где стоял флот союзников, в том числе и англичан. Папе удалось эвакуироваться на судне вместе с английским госпиталем, который спас еще сотню – другую раненых белогвардейцев. Судно дошло через Босфор до Мальты, но Мальта отказалась их принимать. Принять согласился только Египет, пришлось идти туда. Эта страна тогда еще оставалась под протекторатом Великобритании, хотя там были свой король, премьер и правительство. Независимость Египет получил только через два года. Поэтому в тот момент они не смогли отказать британскому судну.

Вот таким образом папа оказался в Египте, снова в госпитале, ведь он так и не успел вылечиться. Известный хирург, профессор Мокин, который лечил папу, сказал ему честно: можем ногу вам оставить, прооперируем без ампутации, но прожить после такой раны долго у вас не получится, до сорока лет максимум. С этим прогнозом и обеими ногами папа прожил до девяноста лет! Наверное, генетически заложенное здоровье помогло.

Госпиталь лагеря Сиди-Бишир, 1920–1921 г.

В числе других эвакуированных папа прошел через лагерь для беженцев Тель аль-Кебир, а затем оказался в госпитале лагеря в Сиди-Бишр.

Оба этих лагеря хорошо описаны в мемуарах русских эмигрантов и в книгах об истории русской эмиграции в Египте⁴. Конечно, несмотря на теплый климат и близость моря, жизнь в лагере для беженцев курортной не назовешь, бытовые условия были тяжелыми. Но, по свидетельству участников тех событий, русские в лагерях сразу начали самоорганизовываться: кто был образован и имел опыт преподавания, те читали желающим импровизированные лекции и давали уроки; батюшки как могли поддерживали религиозную активность на доступном уровне, ведь церкви не было, и никаких предметов церковного обихода, необходимых для проведения службы, тоже поначалу не было. Отдельно, по-моему, занимались с детьми, поскольку дети росли и нуждались в обучении грамоте, невзирая на условия и местонахождение, так что жизнь потихоньку продолжалась.

Что характерно, после такой катастрофы, когда люди бежали из ужаса гражданской войны, оставив все, что им было дорого, разлучившись с родными, потеряв имущество, поки-

⁴ Например: Горячкин Г. В. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. – М.: Русский путь, 2010. – 324 С: ил. ISBN 978–585887–366–2. Беляков В. В. Русский Египет. – М.: Вече, 2008. – 335 с. – ISBN 978–5–9533–3014–5.

нув родину, которая от них в этот момент отвернулась, веру в этих людях поддерживать не нужно было: именно православная вера на чужой земле в первую очередь их и объединяла. Русские очень легко входили в контакт с единоверцами – сербами, болгарами, греками.

От папы я никогда не слышал рассказов про тяготы жизни беженцев. Напротив, он всегда подчёркивал, что с ними очень хорошо обходились, и жить там можно было вполне сносно. Сейчас не могу сказать, с чем это связано: возможно, он хотел навсегда позабыть пройденные испытания, а может быть, все плохое забывается. По сравнению с пылающей Россией, наверное, жизнь в лагере была хотя бы безопасной.

Папа эвакуировался раненым, поэтому лежал в лагерной больнице, долечивался. Наша семья потом долго дружила с семьями двух из тех медсестер, которые ухаживали тогда за папой. Их звали Ольга Петровна Сысоева и Милица Степановна Видинова.

Всем выписывающимся из больницы англичане давали на руки по десять египетских фунтов, и это по тем временам были приличные деньги. Жизнь в Египте до 1960-х годов была очень дешева: комнату можно было снять за один фунт. Папа, конечно, общался с другими русскими беженцами: по выходе из лагеря все как-то пытались устроить жизнь на новой земле, и он, как и другие, начал искать работу.

Знакомства и Знакомство

В университете в России папа учился на юридическом факультете, то есть знания у него были. Кроме того, он хорошо говорил по-французски и немного по-английски. Это давало хорошие шансы найти работу, ведь в Египте оба этих языка были в ходу. Сначала папа устроился помощником адвоката, клерком. Как только ты начинаешь где-то работать, круг твоих знакомств сразу расширяется, а значит, расширяются и возможности.

*Милица Степановна Видинова, медсестра в Сиди-Бишир,
1920–1921 з.*

Владимир Козловский (2-летний) с сыном Милицы Видиновой Николаем, 1934 г.

Медсестра Ольга Петровна Сысоева с сыном Ленией, Александрия, 1934 г.

Сегодня, когда мы говорим об устройстве на работу, понятие «по знакомству» воспринимается скорее не очень хорошо: всегда есть подозрение, что человека взяли не за знания и умения, которых, может, у него и нет вовсе, а просто потому, что он приятель начальства. Но представьте себе, каким образом можно было найти работу в чужой стране, будучи эмигрантом, иной веры, с другим языком и без друзей? Конечно, только через знакомых и какие-то связи: по таким принципам существует любая эмигрантская община. Хочу отметить, что и работодателям свойственно в первую очередь обращаться к тому кругу, который им близок, по вере ли, по языку, по тем же связям в общине.

И в наши дни ничего не изменилось: попробуйте-ка попасть без знакомств или, как минимум, рекомендаций в серьезную область рынка, скажем, на высокую должность в банк. Если вас никто не знает, никто не захочет иметь дело с вами дело и рисковать своими деньгами. Так что связи по-прежнему решают в деловых отношениях всё. А папе, помимо знакомств, и не на что было надеяться: белогвардеец – эмигрант явно не самая желанная рабочая сила в Египте.

Поэтому неудивительно, что на первой же своей работе, у адвоката, папа познакомился с русским, который и рассказал, что есть место в одном отеле, принадлежащем рус-

ской княгине. Княгиня тоже искала людей, с которыми она могла бы объясняться на родном ей языке. Этот был «Hotel Claridge's», лучший отель Александрии в те времена. Там проводились традиционные светские приемы, the dansant, на которых собиралась местная элита всех национальностей, играла музыка симфонических оркестров и джаз-бендов.

В этом отеле останавливались Редьярд Киплинг, Бернард Шоу, Жорж Дюамель⁵, Пьетро Масканьи⁶ и другие знаменитости.

Надо сказать, что в Египте и, в частности, в Александрии в то время был настоящий туристический бум. Началось все в 1923 году, вскоре после открытия гробницы Тутанхамона. Стало очень модно приезжать в Египет и посещать пирамиды, сфинкса, раскопки. Суда с туристами прибывали и прибывали, поэтому были нужны все новые отели. И папа поступил в отель на должность рядового администратора.

Поскольку он был юношей способным, года через полтора он стал главным директором отеля. Ему тогда было около 25 лет. Папа общался с русскими эмигрантами, и в 1924 году, на одной из встреч у друзей он и повстречал свою буду-

⁵ Жорж Дюамель (фр. Georges Duhamel; 1884–1966) – французский прозаик и поэт, драматург, литературный критик. Лауреат Гонкуровской премии (1918), член Французской академии (1935). В 1927 году Дюамель посетил СССР. Он очень подробно рассказал об этой поездке в книге «Путешествие в Москву» (1927).

⁶ Пьетро Масканьи – (ит. Pietro Mascagni; 1863–1945) – итальянский оперный композитор, автор 16 опер, из которых наиболее известна «Сельская честь».

щую жену, которая только недавно приехала из России. Папа начал ухаживать за мамой, и в 1925 году они поженились в греческой православной церкви, поскольку русской тогда в Александрии еще не было.

Через какое-то время они сняли квартиру недалеко от маминых родителей, в районе Камп-де-Сезар. Однако прожили родители в Александрии относительно недолго, судьба распорядилась так, что уже в 1930 году они покинули страну и оказались в Турции. И об этом стоит рассказать отдельно.

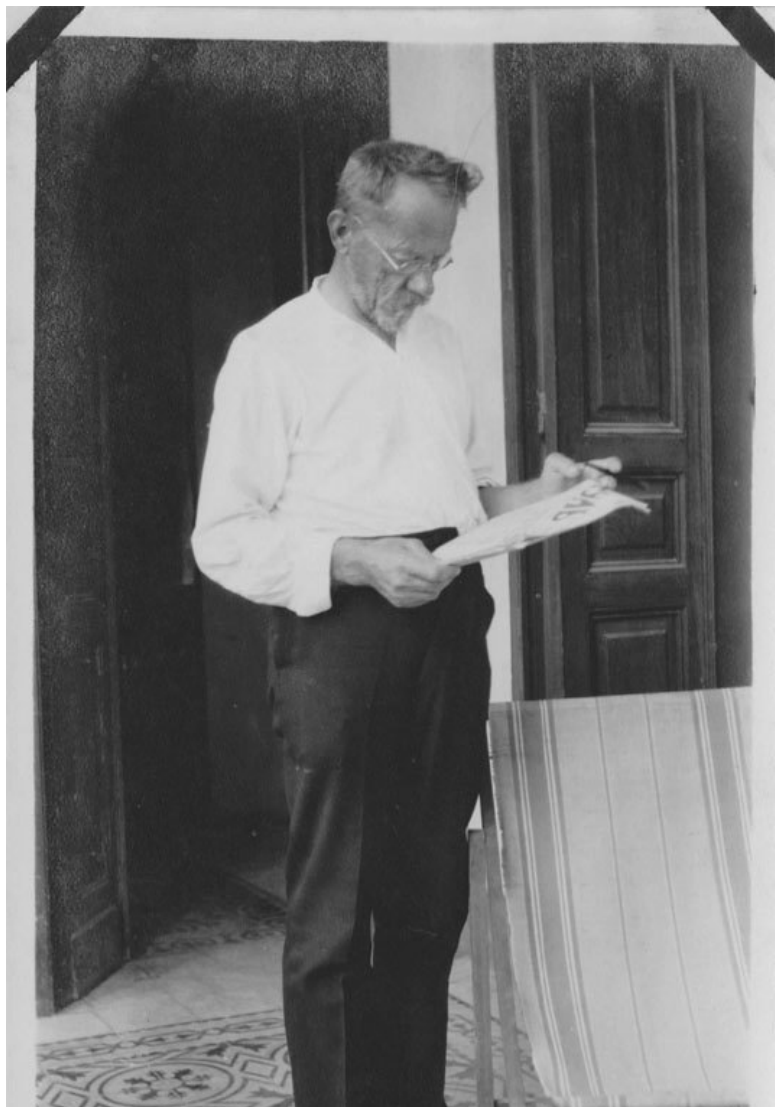
Медовый месяц Константина и Лидии Козловских, Каир, апрель-май 1925 г.

Лидия Седенко, Александрия, 1924 г.

Константин Козловский, Александрия, 1925 г.

*Максим Яковлевич Седенко, Александрия, Камп-де-Сезар,
1927–1928 г.*

Альбина Валериановна Седенко, Александрия, Камп-де-Сезар, 1928–1929 г.

Часть 2. Детство

К берегам Босфора

В наши дни никого не удивишь путешествиями, туризм стал чрезвычайно развит, самолетом можно долететь в любой конец света. Даже место жительства в XXI веке люди стали менять чаще, особенно после войны, когда карта мира сильно изменилась. Но для моих родителей в их молодости все, конечно, было не так. Когда я смотрю на фотографию мамы – нежной девочки из Бердянска с пушистой муфтой у груди – представляю, что всего через несколько лет ей предстояло уехать с родителями не просто куда-то в другой город или в столицу, а в египетскую Александрию.

Другой край земли! О чем она думала при этом, что переживала? Боялась или наоборот, была спокойна, потому что близкие рядом? Её ждали другой континент, другой климат, язык, люди... В этой ситуации она все-таки была под крылом родителей и дяди.

А вот когда она вышла замуж за папу, им нужно было обустроить свою жизнь самостоятельно, думать о своем будущем. Понятно, что мама не работала, несмотря на то, что была женщиной образованной: закончила в Бердянске гимназию и много читала. Интересно, что мама, несмотря на свою

образованность, была очень суеверной. В наш дом не разрешалось входить с открытым зонтом, равно как и класть головные уборы на кровать, или например, стричь ногти предписывалось по средам...

Так продолжалась традиция: бабушка Альбина тоже не работала, она занималась домом, семьей, детьми (их, напомним, было 16). Поэтому забота о финансовом благополучии семейства целиком лежала на папиных плечах. И он справлялся неплохо, материально он добился хорошего, стабильного положения на своей работе в отеле, а заодно обзавелся там множеством полезных связей. Как я уже упоминал, мамин брат, Константин Седенко, дядя Костя, сыграл в жизни нашей семьи очень важную роль. Он был прирожденным бизнесменом. Есть такие люди: к чему они ни прикасаются, всё превращается в золото. И дядя Костя был из этой породы. У него, в отличие от мамы, не было даже аттестата, он не закончил три класса «третьего этапа»⁷, как это называлось в то время, тем не менее, смог добиться в жизни настоящего успеха.

⁷ Т. е. не имел полного среднего образования.

Лидия Седенко, Бердянск, 1918 г.

Году в 1926-ом или 1927-ом дядя покинул Египет и поехал в Турцию открывать компанию «С.Sedenko & Со». Дела у него пошли отлично: фирма процветала и стала одной из крупнейших турецких табачных компаний.

У дяди было много служащих, но не хватало управляющих кадров, и он решил вызвать в помощь папу. Это нормально для бизнеса: кому еще, как не родным, ты больше всего доверяешь! В отеле, где папа работал, между тем, случились перемены к худшему: хозяйка не то заболела, не то продала гостиницу. Так или иначе, папа с его опытом, приобретенным в отеле, оказался для дяди наилучшим кандидатом.

К тому времени умер мой дед Максим Яковлевич Седенко. Он похоронен в Александрии на русском кладбище в Шатби. На могиле написано «скончался 5 августа 1928 г. в возрасте 73 лет». Бабушка осталась одна, и хотя в это время ей уже было больше 70 лет, она была полна сил и крепка здоровьем. Она отправилась в Турцию вместе с дочерью и зятем в 1930 году. А через два года, в 1932-ом, первого апреля появился на свет и я.

Фаина Александровна Седенко (жена Константина Седенко), Стамбул, начало 1930-х

Крестили меня в стамбульской церкви Св. Пантелеймона, она располагалась в квартире жилого дома и так сохранилось до сих пор. Нужно подняться на шестой этаж пешком, раньше там еще и освещения не было, мы ходили с фонариком. А теперь свет есть, но мне очень тяжело стало туда подниматься, это настоящее испытание.

Тем не менее, когда я бываю в Стамбуле, всегда стараюсь посетить это место. Крестил меня настоятель этой церкви, отец Михаил, с которым мои родители дружили.

От первых шагов к первым урокам

Видимо, зигзаги судьбы, выпавшие на долю родителей еще до моего рождения, заранее преопределили и мой будущий жизненный путь: он был полон переездов, приключений, смены деятельности и других «кульбитов». Папа после своего неоднократного бегства от смерти, а затем и из России, по-моему, мысленно всегда был готов собраться в дорогу и двигаться еще куда-нибудь, в более подходящее место.

После адаптации в Египте, наверное, все дальнейшие перемещения воспринимались не так катастрофично. Собственно говоря, в Турцию родители уже не бежали, а ехали на хороших условиях.

Табачная фирма дяди Кости находилась в Стамбуле, но склады были рассеяны по разным городам, и папа много разъезжал по всей стране. Начиная с какого-то момента дядя Костя начал передавать ему все больше рычагов управления, постепенно все дело легло на папины плечи.

*Владимир Козловский в колыбели, Таксим, Стамбул.
1932 г.*

Жили мы в то время уже весьма обеспеченно, я был единственным сыном, и конечно, меня баловали. Покупали лучшие, самые модные и дорогие игрушки.

Летом мы нанимали дачу у одного визиря, бывшего министра султана. Это было чудесное имение на Босфоре, там есть такие дачные места. Это все стоило тогда дешево, а красота была необыкновенная. Одним словом, турецкое детство, в любящей семье, в благоприятном климате, в сытости и довольстве, было счастливым и безоблачным. И страну эту с тех пор я полюбил всей душой, возвращаюсь туда практически каждый год.

В Турции началось и мое образование. Выбор учебных заведений был, собственно говоря, невелик, и папа отдал меня в религиозную французскую школу, где меня обучали сестры-монашки. Английская школа в Турции тоже существовала (Robert College), но папа отдал предпочтение французской, может быть потому, что для него самого это был первый иностранный язык. Школа моя была названа в честь Святой Пульхерии, и она по-прежнему существует под именем Sainte Pulcherie, хотя и является теперь обычным светским лицеем.

21 апреля 2016 года я был приглашен на бал по случаю ее 160-летнего юбилея. К сожалению, из моего выпуска я был

там единственным представителем.

21 апреля 2016 года я был приглашен на бал по случаю ее 160-летнего юбилея. К сожалению, из моего выпуска я был там единственным представителем.

*Владимир Козловский с няней Полей, Таксим, Стамбул,
1934 г.*

Владимир Козловский с отцом, Таксим, Стамбул, 1940 г.

*Владимир Козловский в форме лица Сан-Пульшери,
1938 г.*

Лицей Сан-Пульшери, Стамбул, 1940 г.

*Сан-Пульшери (Владимир Козловский – второй слева),
1940 г.*

Кстати, эта школа давала совместное начальное обучение, до четвертого класса мальчики и девочки учились вместе, что было большой редкостью для того времени и страны. Самое яркое впечатление от начала учебы у меня связано с историческим событием, похоронами Кемаля Ататюрка в 1938 году. Кажется, я был во втором классе, когда это случилось. Турки обожали и боготворили Ататюрка, и на его похороны, естественно, вышли и школы полным составом, чтобы отдать искреннюю дань уважения. Я шел вместе со всеми в траурной процессии. Конечно, это был выдающийся государственный деятель, настоящий отец нации. Не повезло Турции, что он умер довольно рано, всего в 57 лет. Но что делать... Говорят, он очень много пил: и виски, и коньяк, и раки.

Хочу заметить, что несмотря на все предыдущие войны с Россией, Турция после нашей революции приняла очень много беженцев. Те, кто бежал через Крым, Новороссийск, Одессу, попадали сперва в Турцию. Многие там и остались, хотя кто-то в 30-е годы поехал дальше: в Америку, Австралию, Канаду. Такую лояльность к русским я считаю заслугой именно Ататюрка. Его не стало, и отношение к иностранцам постепенно изменилось, как, впрочем, и вся страна. Его последователи не преуспели в продолжении его миссии, политика страны стала радикальной...

Тогда, в Стамбуле, я впервые встретил своих соотечественников не из числа эмигрантов. Это было в обувном ма-

газине «Адмирал», неподалеку от российского консульства. Двое незнакомых мужчин выбирали обувь и разговаривали по-русски. Не знаю, что именно навело меня на эту мысль, но я громко спросил своего отца: «Папа, смотри – это большевики?» Папа просто увел меня из магазина, но направленные на нас пристальные взгляды я помню до сих пор. Мне было лет 5, значит, это произошло в 1937 г.

Кстати, именно в этом году папу арестовали на двое суток, обвинив в шпионаже в пользу Советского Союза. Абсурднее обвинение придумать было нельзя! К счастью, довольно быстро выяснилось, что папа не тот, кто был нужен полиции: им поступили сведения на советского шпиона по фамилии Козловский, но это был всего лишь однофамилец. Поэтому папу довольно быстро выпустили.

Другое мое отчетливое воспоминание о турецкой школе связано с «национальным вопросом». Мы все там были представителями разных конфессий: католики, православные, мусульмане, евреи. В нашем классе был мальчик Иван Шик, чешский еврей. У него была ярко выраженная семитская внешность, к тому же он был слишком хорошенький, поэтому его часто задирали. Дети, как известно, часто бывают жестокими и дразнят тех, у кого другой цвет кожи или еще что-то не так, как у большинства. Однажды во время перемены к этому Ивану пристали три мальчика постарше: грек, мальтиец и кто-то еще. А я его защищал. И нас, скажем так, слегка поколотили. Так с ранних лет я стал интернаци-

оналистом и оставался им потом всю жизнь.

В Турции родители начали собирать русский антиквариат, точнее то, что сейчас стало антиквариатом. Тогда все это за бесценок продавали эмигранты или люди, к которым эти вещи попали случайно. У меня хранится одна такая реликвия, икона Св. Владимира работы Фаберже. Вещь редкая, потому что Фаберже вообще мало делал икон. Папа купил ее в Турции у какого-то дворянина, который был без копейки, кажется, за 60 фунтов. Я очень дорожу этой иконой, это настоящая жемчужина моей коллекции.

С грустью признаю, что не все эмигранты жили столь же благополучно, как мои родители. Очень многие, к сожалению, не смогли устроиться в новой жизни, а некоторые не очень-то и хотели. Родители рассказывали, что среди их знакомых в Египте были и такие, кто даже не распаковывал чемоданы, надеясь, что вот-вот в России «всю эту революцию отменят», все станет, как встарь, и они смогут вернуться. Так они и жили в этих иллюзиях годами, а жизнь шла, и уже давно было понятно, что Советская власть надолго, если не навсегда. Папа сразу как-то всё понял и решил для себя, что «эта страница перевернута», прежняя жизнь не вернется, надо устраиваться в новой. Он это потом не раз повторял, когда жизненные обстоятельства менялись и требовали новых решений. Это был его жизненный принцип: не цепляться за прошлое, думать о сегодняшнем дне и перспективе. Наверное, это и помогло ему выстоять морально, полно-

стью встроиться в новую жизнь и преуспеть в делах. Через дядю отец приобрел обширные связи теперь уже в турецком табачном бизнесе, эти знакомства ему потом очень помогли, когда стало понятно, что и турецкая земля не окончательное наше пристанище. Едва мы наладили нашу жизнь и начали жить относительно беззаботно, как нам снова пришлось проститься с покоем.

Мир уже стоял на пороге большой войны, а это ничего хорошего не сулило.

Прощание под огнем

Еще в 1934 году, когда мне было два года, мы ездили из Стамбула на каникулы в Александрию. У родителей там оставались друзья и квартира. Одна очень приятная немка, мадам Гугенасте, держала пансион в районе Камп-де-Сезар: это была большая вилла, где часто останавливались русские. Родители снимали там две комнаты.

Именно в эту александрийскую квартиру нам пришлось затем вернуться в марте 1941 года. Родители прожили в Турции десять лет, я, соответственно, девять – совсем не мало. Но началась война, у нас были египетские паспорта в сочетании с русской фамилией, а турки сотрудничали с немцами. Остаться в стране было слишком рискованно.

Куда податься? Логично, что в Египет, где есть опыт жизни и все знакомо. Однако легко сказать, но нелегко сделать. Отъезд из Турции стал настоящим испытанием. Спустя много лет после русской революции родителям пришлось освежить свои воспоминания о том, каково это – спасаться бегством, рискуя жизнью.

Мы купили билеты и выехали по железной дороге Стамбул – Каир, тогда существовало прямое сообщение, ходил поезд Taurus Express. Проехали всю Турцию, участок Стамбул-Анкара-Алеппо. И тут поезд начали обстреливать. Это воевали между собой французы – коллаборационистский ре-

жим вишистов и Forces françaises libres, Свободные французские силы.

Поезд остановили, ехать дальше мы не могли. Что было делать? На руках визы и египетские паспорта. Решили из Алеппо добираться до Бейрута, чтобы догнать другой поезд. В итоге из Бейрута мы выехали на такси, со всем скарбом: два сундука и тринадцать чемоданов. Вывозили тогда все, что могли – ковры, какие-то ценности. Неизвестно было, что ждет впереди, все это могло пригодиться на новом месте: в крайнем случае, вещи всегда можно продать.

Так мы ехали на двух машинах из Бейрута через Палестину, которую тогда оккупировали англичане. Государства Израиль еще не существовало. Мы остановились в гостинице в Хайфе, поезд был на следующий день. Здесь папа неожиданно встретил человека, который с ним работал в 1926–1927-х годах в Александрии. В конце концов, мы дождались поезда, в нем было очень много английских солдат, которые ехали на фронт. Солдат я запомнил хорошо, потому что с ними был связан один забавный эпизод.

Один из военнослужащих угостил меня необычным сэндвичем: с помидорами и огурцом, посыпанными черным перцем. Пала был строг, и не желал, чтобы я угощался чужой едой. Но я же был мальчишка, любопытный, мне очень хотелось попробовать этот сэндвич, я никогда не ел такого. В общем, я его съел, и он мне показался необыкновенным лакомством. Я запомнил этот вкус на всю жизнь, и с той по-

ры всегда посыпаю помидоры перчиком. Вот таким образом вместе с англичанами маршрутом Газа – Эль Ариш – Каир мы и добрались в итоге до Египта. Турецкий этап моего детства закончился.

Война. Каир

Конечно, мои детские воспоминания о египетской жизни ярче и сильнее турецких. И я был постарше, в сознательном возрасте, и очень много в нашу жизнь привнесла война, исторический фон моего отрочества. Это, пожалуй, самые сильные впечатления за все мои юные годы.

Мы приехали в Александрию в апреле 1941 года, и я пошел во французскую школу, снова религиозную, но теперь уже не к сестрам, а к братьям – Колледж Святого Марка. Католическое воспитание: друг к другу мы обращались *mon frere*⁸, я даже начал петь там в хоре. Казалось, что жизнь начала налаживаться, но наши надежды не оправдались! Нам пришлось спешно уезжать из города и повод был не просто серьезным, а страшным: Александрию начали бомбить.

Морские ворота Египта, Александрия, была важным стратегическим портом, где стояли английский и французский флот. Как это часто бывает (и как это я видел недавно на Украине), больше всего от этих авианалетов страдали обычные люди. Мы жили на вилле, в пансионе, как я уже упоминал, у нас была большая комната с садом. Но в тех домах не было подвалов – кому они нужны в Александрии! Окна во время бомбежек были закрыты и заклеены темно-синей бумагой, чтобы свет не проникал наружу. И мы даже не могли

⁸ Брат мой (франц.)

никуда спуститься или укрыться, сидели в комнатах, цепенея от ужаса.

Никогда не забуду самую сильную бомбежку, которая случилась летом 1941 года, в ночь с субботы на воскресенье. Нас бомбили с 10 вечера до 3 утра немецкие и итальянские самолеты. Они приходили волнами, сбрасывали свой жуткий груз и улетали обратно. Наутро после бомбежки мы все пошли смотреть, что с городом, как соседи. Везде были выбиты стекла, много зданий разрушено. У меня был одноклассник, он жил в ста метрах от нас. Дошли до его дома, а дома нет. И никого нет. Однотонная бомба «торпеда» упала прямо на них. Все погибли, и этот мальчик, мой приятель, тоже. От этого взрыва, помню, в нашем доме дверь распахнулась настежь. Это было глубочайшим потрясением для меня, настоящим шоком.

После этого папа сказал, что мы здесь не останемся, нечего ждать, когда бомба прилетит в твой дом, надо ехать в Каир. Египетская столица находится в 210 км от Александрии, и тогда она была не настолько важным с военной точки зрения городом. Это был просто железнодорожный узел для переброски солдат.

Уехать было очень трудно, но мы нашли места. Наверное, благодаря папиным связям. Бежали все, кто мог, обычные люди. В Египте проживало много левантийцев: сирийцы, бейрутцы. Немало итальянцев, была огромная колония греков, около 800 тысяч. Все эти люди занимались коммер-

цией, бизнесом. У них были и заводы, они производили масло, хлопок. И вот теперь все они спешно покидали город. Я помню страшную давку, толпы обезумевших людей, лезущих друг на друга. Люди, спасающиеся бегством – это всегда тяжелая, драматичная картина. В той толкучке, свидетелями которой мы стали, по сведениям газет, задавили 20 человек. Это было моим вторым потрясением за такой короткий срок.

Поездом мы добрались до Каира и нашли большую комнату у одной армянской семьи. В этом доме уже был подвал, и мы спускались туда, когда включались сирены воздушной тревоги. Да, Каир тоже бомбили, хотя и намного меньше, чем Александрию.

Память сохранила образы соседей по нашему маленькому «вавилону». Рядом жили одна еврейская семья и одна армянская – мать и дочь. Я помню эту девочку, Поппи, она была постарше меня, лет 14–15, а мне в ту пору было 9. Общались мы с армянкой Поппи на французском. Жил там еще один еврейский румын, он открыл свой бизнес: шил дамское белье. Дело шло очень неплохо, потому что не было конкуренции из-за границы. Была у нас и семья молодоженов: сириец со своей женой, очень красивой. Сама хозяйка пансионата, женщина лет пятидесяти пяти, жила с матерью-гречанкой, которой было хорошо за восемьдесят. Так вот хозяйка, наполовину армянка, наполовину гречанка, всё боялась, что в город войдут жестокие итальянцы. Все знали, что в оккупированной Греции итальянские военные очень плохо обра-

щались с местным населением. И она боялась, что придут, ее заберут и будут мучить.

На этой почве она чуть не сошла с ума.

На первом этаже нашего здания располагался бар Wings («Крылья»), который был местом гулянок солдат, ехавших кто на фронт, а кто с фронта. Я проходил мимо этого бара по дороге из школы. Там уже в этот час собиралась публика. Новозеландцы, канадцы, даже сербы, воевавшие на стороне союзников, – интернациональное было заведение. Особенно мне нравилось, что в баре всегда играла модная музыка сороковых годов, английская и французская. Хотя у французов был свой бар в городе, но и в Wings они захаживали. Конечно, довольно часто в баре шумели до часу ночи и кричали под нашими окнами.

Школьные занятия закончились, начались летние каникулы, а осенью меня записали к очередным «братьям». Эти «братья», то есть католические школы, были в те времена распространенными заведениями. Например, арабский язык я начал учить именно у братьев-монахов. Меня, естественно, во всех этих школах пытались как-то обратить в католицизм, но я всегда твердо отвечал на подобные попытки: *je suis orthodoxe*⁹. На службу католическую ходил, от этого невозможно было отказаться, в хоре пел, но не более. Они давали неплохое образование.

Проучился я в Каире два года, столько нам пришлось там

⁹ Я православный.

оставаться. Состав в школе был интернациональный, естественно, много греков, но встречались даже немцы. У меня был товарищ немец, ярый антифашист.

Мои родители были убежденными антигитлеровцами, «антинаци», как тогда выражались. Хотя папа терпеть не мог коммунизм, но фашизм они не поддерживали ни в каком виде. Поэтому мы очень болели душой за Россию, нашу Родину, и радовались всем военным успехам русских, хотя поначалу до них было еще далеко. У меня в комнате висела на стене большая карта, я отмечал на ней ленточкой линию фронта, как продвигались русские войска. То вперед – наступление, то назад – отступление. Я за всем этим следил. Слушал радио, читал газеты и передвигал ленточку каждый день. И вся наша семья жила военными новостями, как и все вокруг, папа очень переживал.

Вообще, я с детства интересовался политикой. Однажды, когда я еще учился у сестер в Турции, даже случился конфуз: я, будучи 9 лет от роду, повторил в школе слова Черчилля, назвавшего Гитлера «чудовищным ублюдком». На французском это звучало как *monstrueux avorton*. Учительница, конечно, была в ужасе: «Где вы понабрались таких слов?!». Школа религиозная, сёстры-монашки, такая реакция с её стороны понятна. Я честно и с гордостью рассказал, что вычитал во французской газете, и что это не я, а Черчилль так выразился. Скандала удалось избежать, но случай показательный.

Во время войны у нас в каирской школе собирали пожертвования для солдат союзнических армий и для русских, конечно, тоже. Мы сдавали туда свои карманные деньги, мелочь. Один из таких сборов организовывал и я.

Военные действия шли не только в России и Европе. У нас в Африке была своя Вторая мировая. Немцы, африканский корпус, покинули Африку в 1943 году. Я храню альбом с фотографиями военного корреспондента, знакомого моего отца. Он сам подарил нам этот альбом еще в те давние годы. Я с теплом вспоминаю о нем, но помню, к сожалению, только то, что он был грек и звали его Янис. Здесь все фотографии подписаны мною в 11 лет, и встречаются даже ошибки во французском.

На фотографиях запечатлены герои и события тех самых дней – генерал Монтгомери, главнокомандующий войсками союзников, сбитый немецкий самолет, солдаты в траншеях, пленные. Итальянский флот, который сдался в 1943 году, *inconditionnel*¹⁰. Маршал Роммель, американский генерал Кларк, итальянский маршал Бадольо, – представляете, как это все было интересно мне, мальчику! Незабываемое впечатление на меня произвели арабские войска на верблюдах, которые участвовали в войне на стороне англичан и воевали в пустыне.

Есть снимок знаменитого греческого эсминца «Адриас» (Adrias) с оторванным носом. Это был английский ко-

¹⁰ Безоговорочно (франц.)

рабль, переданный греческому флоту сразу при постройке. Назвали его в честь города Адрия. Корабль успешно сражался с фашистами, топил подводные лодки, а в сентябре 1943 года принимал на Мальте сдачу итальянского флота.

Но уже через месяц, 22 октября, «Адриас» подорвался на mine. Однако, он не затонул, а смог добраться до турецкого берега с оторванной носовой частью. А затем, после небольшой паузы для минимального ремонта, успешно дошел до Александрии. Это был подвиг, об этом судне писали все газеты, союзники его встречали на пристани, а команду представили к награде. Снимок из моего альбома подписан 23 октября, на нем корабль заснят после взрыва. Его передал папе знакомый, служивший на этом корабле, Метон Азариас.

Как известно, фашисты дошли в Египте до Эль-Аламейна, т. е. были всего за сотню километров от Александрии. Битва при Эль-Аламейне имела для хода Второй мировой войны то же значение, что битва при Сталинграде для Великой Отечественной. Английские войска и союзники нанесли немцам сокрушительное поражение, ставшее переломным моментом в ходе войны.

Эсминец «Адриас» (фото от Метона Азариса) 23 октября 1943 г.

Уинстон Черчилль сказал про эту битву: «Это ещё не конец. Это даже не начало конца. Но, вероятно, это конец начала».

Еще мне вспоминается, что, когда было наступление фашистов на Александрию, итальянские женщины готовились в городе к встрече освободителей-итальянцев. Пекли панеттоне, сушили спагетти, готовили в огромных кастрюлях. Мы из города уехали в Каир, но нам потом об этом рассказывали соседи. Итальянцы же были заодно с немцами! Но не вышло,

не поели спагетти.

Быт на фоне войны

Настало время рассказать, образно выражаясь, какие спагетти и с кем ели мы. Если турецкий круг общения я помню довольно смутно, то уж о египетской жизни мне есть, что рассказать. Много очень светлых воспоминаний связано с моими друзьями и знакомыми по Египту. Прежде всего это были, конечно, такие же, как мы, эмигранты из России, бежавшие от революции.

На фоне военных действий и печальных событий жизнь все равно шла своим чередом. Дети росли, взрослые занимались делами. В Каире меня записали в «Русские скауты», была такая организация. В нашем отряде было около 15 скаутов. Мы обычно собирались. Наши сборы начинались с совместной молитвы и пении гимна Российской Империи «Боже, Царя храни!». Один или два раза в год мы вместе участвовали в городском параде, под национальным флагом, после чего устраивалось общее собрание, на котором нас угощали соком сахарного тростника или лимонадом. Кроме того, мы устраивали походы в пустыню с ночевкой.

Эту организацию основал двадцатилетний сын знаменитого русского врача Белинна, который лечил египетского короля Фарука I. Доктор Белинн был хорошим специалистом, король очень ему доверял, да и вообще король Фарук любил русских и многим дал египетское гражданство. Напри-

мер, отоларингологом у короля Фарука работал доктор Волкенштейн, тоже приехавший из России. Этот доктор удалил мне миндалины, чем навсегда избавил от мучительных ангин, которыми я страдал в детстве.

К слову о гражданстве. Большинство беженцев вокруг нас в Египте были обладателями «нансеновских» паспортов¹¹, то есть *apatride*¹². Между тем, мой папа получил гражданство еще в 1924 году, и снова «по знакомству». Среди папиных гостей в отеле был премьер-министр Египта, Мухаммед Тауфик Назим-паша. И папа просто попросил его об одолжении, сказал, что хочет получить египетское подданство. Уж не знаю, чем папа сумел завоевать симпатии премьер-министра, но через два месяца у него был египетский паспорт. Это подданство нам потом в жизни не раз очень помогало, собственно, оно и было нашим единственным подданством, и у меня оно есть до сих пор.

Мы пережили войну без лишений, потому что папа ни на минуту не оставлял свое дело. Даже уехав в Каир, он продолжал заниматься коммерцией, часто ездил в Александрию, где тогда в основном была сосредоточена табачная промышленность. Более того, в войну его бизнес только укрепился. У папы уже установились хорошие контакты с заводами, а

¹¹ Нансеновский паспорт – международный документ, который удостоверял личность держателя, и впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства, был разработан в 1922 г. Вначале он выдавался россиянам, а впоследствии и другим беженцам, которые не могли получить обычный паспорт.

¹² Лицо без гражданства (франц.)

на рынке был дефицит табака. Тогда ведь все курили, да и вдобавок война, а значит – армия, ее нужды и потребности обслуживаются в первую очередь. Военных обязательно надо было снабжать сигаретами, табаком для трубки (многие англичане курили трубку).

Так что всем фабрикам нужно было сырье, и это сырье папе поставлял дядя Костя из Турции.

Но чтобы торговать табаком, нужно было иметь особое разрешение властей, и добыть его было очень непросто. И здесь папе снова помогли связи, в восточном мире именно они всё решают. У него был друг-египтянин, работавший в министерстве торговли секретарем министра. Он и помог, за взятку конечно, получить это *permis* (разрешение). Так папа стал одним из немногих уполномоченных торговцев. Табак шел ему в Каир и поездами, и, больше всего, теплоходами. Так что папино дело на военных поставках расцвело и заложило прочную основу нашего будущего состояния.

В это же самое время Турция, где жил дядя Костя, ввиду тяжелого финансового положения ввела *varlik vergisi*¹³, налог на имущество богачей. Это была одноразовая акция, совершенно неожиданная и несправедливая, как по башке всех стукнули! Сумма налога была огромна. К тем, кто не заплатил, применялись конфискация, тюремное заключение – действовали, как большевики. Дядя был очень богат, и ему насчитали налога 100 000 английских фунтов, огромную

¹³ Налог на богатство (тур.)

сумму. Средства у дяди были в основном в товаре, в оборудовании – то есть, в деле. Свободных денег в таком количестве не было, но в этот момент семейное дело выручил папа. Он обратился к знакомому директору банка Bank de Commerce d'Egypte, и банк нам дал кредит, без гарантий, под собственную ответственность, который мы отослали в Турцию.

А потом уже мы погасили долг перед банком, и дядя смог рассчитаться с папой.

Около тысячи семей в Турции не смогли расплатиться с налоговой службой, их преследовали по суду, арестовывали, и многих отправили в буквальном смысле на рудники Зонгульдака. Главная же интрига заключалась в том, что все эти коммерсанты и промышленники не были мусульманами. Это были греки, армяне, евреи и русские, владевшие большим торговым капиталом. Власти, как обычно, сказали, что это якобы был налог во имя справедливости, чтобы бедным жилось лучше, а богатые поделались. Однако это была ложь, потому что были разорены работавшие предприятия.

Но вернемся в военный Египет. Как бы хорошо ни шли папины дела, трудности с продовольствием были у всех, тут ничего не поделаешь. Нам выдавали карточки, по которым полагался литр масла в месяц, по килограмму риса и макарон на человека и кажется, что-то еще.

К счастью, у папы был знакомый офицер английской армии, который помогал нам «доставать» английский хлеб. Та-

кой квадратный хлеб для тостов, он у нас был каждый день на столе, и я его с тех пор терпеть не могу. Настоящий белый хлеб можно было купить на черном рынке, а так, в основном, у всех был кукурузный. Это сейчас он продается как некий особенный, необычный хлеб, а во время войны мы считали его ненастоящим, плохим. В общем, я с тех времен белый хлеб не люблю и всю жизнь ем какой-нибудь серый или черный. Хотя иногда и кукурузный покупаю.

Еще много продуктов поставлялось из Австралии, они ведь были членами Британского Содружества наций и снабжали англичан. Помню масло – соленое, чтобы не портилось, пока плывет по морю и распределяется в нашем жарком климате, были сыр и варенье. Вот с овощами в Египте проблем не было: своя плодородная земля, помидоров, например, собирали по два-три урожая в год.

В городе Александра Великого

В Александрию мы смогли вернуться только в 1943-м, снова искали жилье. Папа нашел виллу – небольшую, но нам троим хватало. Кажется, пять-шесть комнат, и садик. Помню, что всегда было много цветов, и у нас росло даже дерево папайя (что в Египте редкость). Вилла и на этот раз принадлежала армянам. В Александрии жила большая армянская диаспора, наш домовладелец был врачом, служил когда-то в Оттоманской империи, но к тому времени уже вышел на пенсию. На полученные от армии деньги он и построил дом. Эта вилла стала нашим последним александрийским адресом: я прожил там до студенческих лет и отъезда в университет в 1950 году, а родители – до 1958 года.

После возвращения в 1943-м году мне нужно было доучиться один учебный год, чтобы получить *certificat d'études primaires*¹⁴, и я опять попал к «„братьям"» ордена Saint Jean-Baptiste de La Salle¹⁵.

Удивительный случай произошел с нами довольно скоро по возвращении. До сих пор у меня закрадываются порой сомнения, правильно ли мы поступили. Как я уже сказал, в 1943 году немцев в Африке разгромили, многих взяли в

¹⁴ Аттестат об окончании начальной школы (франц.)

¹⁵ Жан-Батист де ла Салль, французский священник и педагог, католический святой.

плен. В один прекрасный летний день я обнаружил в нашем саду под кустом спрятавшегося немецкого пленного, сбежавшего от группы сопровождения. И вот сидит он в кустах, что делать? Мы, конечно, были против немцев, нечего даже и обсуждать. Но в этом случае папа сказал, что надо помочь человеку. Он так великодушно поступил, будучи убежденным антинацистом, и меня это до сих пор удивляет. Это же твой враг, который убивал твоих единоверцев, соотечественников, который так много горя принес в Россию. Тем не менее, папа поступил именно так. Наверное, когда ты лицом к лицу пусть даже со своим врагом, остается только один выбор: ты либо отнимаешь чужую жизнь, либо даруешь ее. И папа совершил гуманный поступок. Ведь и его самого в свое время неоднократно спасали чужие люди!

Владимир Козловский на благотворительном балу, Александрия, 1948 г.

Владимир Козловский с родителями, улица Фуад, Александрия, 1947–1948 г.

Так что немца мы не выдали, покормили, оставили переночевать. Но потом дали ему какие-то папины вещи, чтобы переодеться, и попросили уйти. Сказали: идите, наверное, сдаваться, так будет вам самому лучше и безопаснее. Англичане хорошо обращались с пленными, папа это знал. Пробыв у нас сутки, этот немец – кажется, его звали Хорст – покинул наш дом, и его дальнейшая судьба мне неизвестна. Может быть, он пошел и сдался, а может, продолжил скрываться.

Должно быть, этот папин урок запал мне в сердце. Много лет спустя, я снова помог еще одному дезертиру, на этот раз французу (который скрывался в нашем пансионе в Женеве) вернуться к семье на родину. Просто перевез его через границу (а тогда, после войны, на границах между европейскими странами был строгий контроль) в багажнике своей машины, не думая о возможных для себя последствиях.

Еще одна интересная встреча военных лет, которую я потом не раз вспоминал, произошла на александрийском пляже. Мы с мамой туда нередко ходили, компанию нам составляла мамина приятельница-сербка по фамилии Савитч. Сербов тогда в Египте было немало. Однажды эта дама представила нам своего спутника по фамилии Попович, тоже серба. Мы встречались затем с этим господином в гостях у маминой знакомой, они с моим папой много беседовали на политические темы, про коммунизм и все время спорили. А

через несколько лет я встретил в ООН югославского министра иностранных дел и узнал в нем нашего александрийского знакомого. Коча Попович – видный югославский деятель, соратник Тито, после войны руководил генеральным штабом Югославии и даже был вице-президентом страны в конце 1960-х. Вот вам и пляжное знакомство!

Как бы то ни было, но я могу сказать, что несмотря на то, что шла война, что жилось непросто, а порой и страшно, это были очень счастливые годы. Слава Богу, мы не нуждались, но и независимо от материальной стороны, мы жили очень насыщенной, полноценной жизнью, и вокруг нас были интересные люди.

В Александрии у нас в гостях часто бывали офицеры: представители союзнических войск, поляки, сербы, чехи. Помню, были у папы хорошие приятели – два сербских летчика. Они ухаживали за русскими девушками, сестрами Марковыми, Женей и Викой, с семьей которых мы дружили. А потом их самолет сбили немцы, и сербы погибли.

Кстати, о главе семейства Марковых, служившего полицейским в порту, некоторые русские александрийцы в своих воспоминаниях отзываются как о сочувствовавшем нацистам. Якобы он распространял фашистскую литературу. Хочу сказать, что это навет! Он оставил мемуары о своей службе в «полиции нравов», очень интересный рассказ¹⁶. По

¹⁶ Беляков В. В. На службе египетского короля. Из воспоминаний Анатолия Маркова. Восточный архив, №№ 1 (23), 2 (24), 2011.

моим воспоминаниям, к Маркову нередко обращались колонисты, именно в силу его работы полицейским. Он служил неким связующим звеном между русским миром и официальными египетскими органами и часто помогал своим. Деталей, конечно, я не знаю, но в нашей семье на этот счет было именно такое мнение. Нам, детям, Марков часто отдавал даром билеты в кино, которые, видимо, ему полагались по службе. Потом семья Марковых уехала в Америку.

Русский круг

Русская община в Египте на протяжении долгих лет сохраняла, как могла, свой русский мир и образ жизни. Мы все говорили по-русски, были православными, впитывали с младенчества русские традиции, читали русские книги, проводили концерты русской музыки и ели типичные блюда русской кухни. Помогало то, что большинство русских беженцев и на родине были незаурядными личностями, хорошо образованными, культурными людьми, достойными представителями своего отечества. Взрослые старались передать детям богатство родной культуры, любовь к России.

Вместе с папой я прочел в младшем школьном возрасте и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, и прочих классиков. Все мои книжки папа заботливо переплетал. Мама тоже много читала, у меня хранятся ее книги, например, «Учебник русской истории для средней школы» профессора Платонова, «издание пятое с восемью картами». Издан Башмаковым в 1913 году. Я сам по нему потом учился, хороший учебник. Он стоит у меня на полке, и когда-нибудь, я надеюсь, в него еще заглянут мои внуки.

Родители вели интеллектуальную, культурную жизнь, не замыкались на быте. Мы выписывали парижскую «Русскую мысль», альманах «Рубеж». В нашем доме бывали все «светила» нашей колонии. Много говорили о «бывшей» жизни,

ведь все тосковали по родине. И я вырос в этой атмосфере и всё впитал, поэтому и считаю, что я абсолютно русский, хоть и родился, и жил вдали от России.

Мои первые уроки русского языка я получил еще в Турции, моим преподавателем был Лев Петрович, который до эмиграции преподавал в Российской Академии Наук. В Египте папа по-прежнему следил за моим образованием и нанимал хороших частных учителей.

Это были достойнейшие люди, которые многократно упомянуты в мемуарах бывших «русских египтян» и книгах об их жизни. Например, русским языком со мной занималась Варвара Рерберг, дочь знаменитого генерала Рерберга, одного из самых видных деятелей русской общины. Она вышла замуж за инженера Демидова, представителя рода уральских заводчиков (они же князя Сан-Донато). Она была очень строга, но тогда так принято было обращаться с детьми. Мы все воспитывались довольно сурово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.